

Феномен инаковости в творчестве Э.М. Форстера

Д.О. Половцев

XX столетие, как и век нынешний, отмечено диалогом культур и цивилизаций. Для Беларуси, находящейся между Востоком и Западом, вопрос национальной идентичности приобретает особое значение. В связи с этим совершенно справедливо известный белорусский литературовед В. А. Максимович подчеркивает, что сегодня «не страчвае сваёй актуальнасці і значнасці праблема гістарычнай катэгорыі нацыі, вызначэнне яе сутнасных параметраў.... Не меншае значэнне набывае ў гэтай сувязі праблема асобна-індывідуальнай самаідэнтыфікацыі, самацеснасці (самасці)» [2: 3]. Национальная идентичность, как и идентичность личностная, формируется на фоне усиления межкультурных контактов. В последние десятилетия XX века возникла ситуация, при которой множественность образа жизни выступает как норма, а бытие отмечено такими характеристиками как гетерогенность, многомерность, децентрированность. Возрастает не просто интерес ко всякого рода инаковости, а ее принятие и утверждение как ценности.

Инаковость является неотъемлемой составляющей и в контексте художественной культуры, при этом художественной литературе принадлежит ведущая роль в формировании знаний о культуре и характере других народов и эпох. Современная белорусская литература находится не в изоляции от мировой. Все процессы, происходящие в литературах мира, так или иначе сказываются на художественном сознании белорусов. В данном случае, продолжающаяся активная творческая деятельность белорусских писателей, направленная на утверждение национально-этнического сознания и идентичности, поиск места культурной самости, созвучна процессу поиска, интеграции знания о Другом, в том числе инонациональном, в творчестве английского прозаика Э. М. Форстера.

Литературное наследие классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879–1970) включает романы «Куда боятся ступить ангелы» («Where Angels Fear to Tread», 1905), «Самое длинное путешествие» («The Longest Journey», 1907), «Комната с видом» («A Room with a View», 1908), «Хауардс-Энд» («Howards End», 1910), «Поездка в Индию» («A Passage to India», 1924), «Морис» («Maurice», 1971). Прозаик также получил признание и как автор сборников рассказов «Небесный омнибус» («The Celestial Omnibus», 1911), «Вечное мгновение» («The Eternal Moment», 1928), «В жизни грядущей» («The Life to Come», 1972). Его перу также принадлежат сборники эссе, книги биографического характера и большое количество литературно-критических статей, в том числе книга «Аспекты романа» («Aspects of the Novel», 1927), в которой писатель выражает свою точку зрения на проблемы художественного творчества, и которая сыграла значительную роль в становлении теории романа в Англии.

Интерес исследователей к творчеству Э. М. Форстера обусловлен тем, что в своих произведениях он поднимает проблему инаковости, которая не осталась незамеченной рядом исследователей. Так, по мнению американского ученого У. Стоуна, «инаковость [у Э. М. Форстера. – Д.П.] может быть найдена в ... глубинах человеческой души»¹ [10: 15]; современная российская исследовательница Е. Зыкова указывает, что творчество Э. М. Форстера пронизывает «тема взаимопонимания между людьми, терпимости по отношению ко всякого рода “инаковости”» [1: 458].

---

¹ За исключением дополнительных отсылок к переводу, здесь и далее перевод наш.

«Черствость, замыкание в узком кругу “своих”, нежелание слышать другого, – продолжает ученый, – [связано] с обеднением[м] духовного мира личности» [1: 459].

В данной статье рассматривается одна из основных проблем в творчестве Форстера – проблема инаковости; также делается попытка проследить эволюцию творчества прозаика с точки зрения данной проблематики. Такая попытка предпринимается впервые не только в отечественном и постсоветском, но и зарубежном литературоведении.

В современном белорусском литературоведении изучению Э. М. Форстера посвящена статья Ю. В. Стулова [4], творчество писателя рассматривается и в одном из немногочисленных отечественных учебных пособий по истории зарубежной литературы XX века И. В. Шабловской [7]. Отсутствие специального исследования в отечественном литературоведении представляет собой существенную лакуну: изучение творчества Э. М. Форстера включено в учебную программу по истории английской литературы на филологических факультетах и факультетах иностранных языков вузов республики, в том числе Белорусского государственного университета.

Инаковость – одно из центральных понятий гуманитарной мысли XX века; она лежит на пересечении большинства гуманитарных и социальных дисциплин современности: этики и онтологии, литературоведения и богословия, постколониализма и семиотики и т.д. Под инаковостью мы будем понимать категорию субъектно-объектных отношений, делающую возможной и актуализирующую оппозицию «Я – Другой».

Несмотря на то, что теоретические основы инаковости оказались разработаны преимущественно в рамках философского дискурса, проблема инаковости является междисциплинарной. Так, в рамках литературоведения к ней в своем творчестве обращались, например, М. Бахтин, Ж.-П. Сартр. Представители постструктурализма также внесли свой вклад в разработку проблемы инаковости и Другого в литературоведческой практике. Так, некоторые (Ж. Делез) разрабатывали категории инаковости и Другого и проецировали собственные гипотезы на литературные произведения; концепции других (Ж. Лакана, М. Фуко) используются для интерпретации литературных произведений. Таким образом, есть все основания полагать инаковость категорией литературоведения.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу романов Э.М. Форстера, выделим два вида инаковости, которые являются характерными для его творчества и которыми мы будем оперировать в данной статье – внешнюю инаковость и инаковость внутреннюю. Под последней мы понимаем актуализацию такой ситуации, при которой реализуется статус «Я *сам* как Другой». Иными словами, под инаковостью внутренней мы будем полагать дружость, которая обнаруживается в самом человеке. Сложнее обстоит дело с инаковостью внешней, ибо она не просто конструирует *внешнего* Другого как иного субъекта, но и оперирует такими категориями, как «свое – чужое», национальное и инациональное.

Представляется, что оппозиция «свое – чужое» родственна дихотомии «Я – Другой»: «свое» находится в области Я, это нечто собственное, личное, значимое, *оСВОЕ*нное (то есть познанное и осмысленное), тогда как «чужое» сохраняет потенциал возможной опасности; «чужое» неразрывно связано с Другим. Вслед за А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко мы будем трактовать дихотомию «свое – чужое» как производную оппозиции «Я – Другой» [3: 31]. Представляется, что дихотомия «Я – Другой» реализуется и посредством антитезы «свое – чужое».

По мнению современной украинской исследовательницы Т.Г. Теличко, «эволюция восприятия национального и инационального [происходит] по формуле “свое – чужое”, “мы – они”, “я – он”,... “я – ты”» [5: 4]. Мы согласны с ее мнением и

полагаем, что национальное и ионациональное включено в бинарную оппозицию «свое – чужое». Следовательно, ионациональное в рамках настоящего исследования также является компонентом инаковости внешней.

Итак, поскольку дихотомия «свое – чужое» оперирует не только оппозицией «Я – Другой», но и антитезой «национальное – ионациональное», а инаковость, ее реализующая, отлична от той, существующей на уровне «Я сам как Другой» и именуемой внутренней, то представляется правомерным полагать инаковость, актуализирующую дихотомию «свое – чужое», внешней.

Оба термина («внешняя» и «внутренняя» инаковость) предложены нами и представляются в некоторой степени условными: так, говоря о внешнем характере национальных отличий в творчестве Э. М. Форстера, мы будем подразумевать и неизбежную интериоризацию, то есть личностное, психологическое и интеллектуальное обобщение полученного опыта при коммуникации с Другим, и наоборот.

Внешняя инаковость наиболее ярко представлена в «итальянских» романах Форстера «Куда боятся ступить ангелы» и «Комната с видом». Сквозным мотивом в последнем является отношение к иному, «чужому», как заведомо чуждому и низкому, при этом подчеркивается превосходство «своего». Для героев романа с «неразвитым сердцем» (по терминологии самого автора) «своим» является только то, что позволяет им сохраниться и постоянно требует защиты от «чужого», которое следует избегать или уничтожать.

Эволюция главной героини Люси Ханичерч происходит между сферами «своего» и «чужого». Люси окружена недалекими, эгоистичными людьми (священник мистер Игэр проповедует о высоких чувствах, не имея своих собственных; Шарлотта Бартлет, которая на протяжении всего романа мешает Люси приобрести ясность «вида», постоянно надевает на себя маску «мученицы»). Находясь в таком окружении, Люси научилась играть по тем же правилам, и подавляет «эмоции, которые не вписываются в рамки условностей». Чем сильнее Люси пытается подавить в себе чувства, тем сильнее она попадает под влияние людей с «неразвитыми сердцами». Главная героиня опирается в основном на взгляды и суждения «сэкондхэнд». В таких же условиях происходило формирование «своего» и до приезда в Италию. Дома с Люси ничего не никогда не «случалось», жизнь текла размеренно и предсказуемо.

Используя терминологию Форстера, из «плоского» («flat») характера она превращается в характер «круглый» («сферический») («round»). Эволюция Люси происходит в пространстве, представленным оппозицией «вторичный опыт» – «опыт непосредственный»; испытать последний (под непосредственным опытом мы пониманием личное переживание того или иного события) возможно лишь при выходе из «комнаты» «своего».

Люси в конце концов побеждает в себе пуританские ограничения Состона (Состон ассоциируется у Форстера с ханжеством, миром условностей, «неразвитым сердцем»), считавшие долгое время «своими», путем взаимопроникновения «своего» и «чужого», внутреннего обогащения за счет узнавания истинно «своего» в «чужом».

Несмотря на то, что первая часть «Комнаты с видом» разворачивается на фоне Италии, конфликт же между Англией и Италией является основой первого романа Форстера «Куда боятся ступить ангелы». Противопоставление и сопоставление Англии и Италии вводит тему национального и ионационального в творчество прозаика. Италия как воплощение ионационального предстает и в рассказах Форстера: «История о панике», «Сирена», «Вечное мгновение».

Форстер разрабатывает заявленную выше проблему в рамках семейного романа с характерными для него внутрисемейными конфликтами. Сталкивая два мира, автор

детально разрабатывает английский и итальянский характеры. Поиски себя и неудовлетворенность приводят героев романа – Филиппа, Лилию, мисс Эббот – в иное национальное пространство. Форстер стремится преодолеть границы английскости, полагая, что инациональное, куда погружается английский характер и «неразвитое английское сердце», углубляет национальное самосознание.

В Италии Лилия выходит замуж за Джино, и Филипа, сына миссис Герритон, посылают в маленький провинциальный городок Монтериано с целью выяснить положение дел непосредственно на месте. Когда Лилия умирает при рождении ребенка, семейство Герритонов почти в полном составе приезжает в Италию, чтобы «спасти» его от Джино. Роман достигает трагического апогея, когда младенец погибает в результате несчастного случая при попытке его похищения дочерью миссис Герритон Генриеттой.

Пожалуй, одним из наиболее сложных образов в романе является образ Филипа Герритона. В то время как Генриетта, сообщает читателю повествователь, остается под постоянным и пристальным контролем матери (более того, Генриетта всегда находится в силовом поле своей национальной культуры, так как инациональное пространство является для нее не просто чужим, а радикально чуждым), то Филип под влиянием инационального постепенно освобождается от влияния миссис Герритон и движется к своему истинному Я.

В начале романа мы узнаем, что, когда Филип в возрасте двадцати двух лет впервые посетил Италию, он остался замороженным этой страной. Герой познакомился и полюбил простых итальянцев. «Италия, – убежден Филип, – очищает и облагораживает всякого, кто там побывает. Италия для всего мира и школа, и одновременно площадка для игр» [6: 23]. По прибытии на родину все казалось ему серым, посредственным, ничтожным. Он вернулся в Англию с целью либо преобразовать Состон наподобие Италии, либо полностью его отвергнуть. Однако из этой затеи ничего не вышло: «неразвитые сердца» Состона оказались неподвластны чарам Италии. Кроме того, «он шокировал с полдюжины состонцев, вступал в перебранки с сестрой и спорил с матерью» [6: 71]. С тех пор он стал испытывать чувство морального неудовлетворения, с одной стороны, и интеллектуального превосходства по отношению к состонцам, с другой. Попытка Филипа изменить Состон и его обитателей напоминает неудачу Лилии, пытавшейся перенести английскую модель образа жизни на итальянскую. Несмотря на это, Филип сохранил веру в преобразующую силу Италии. По этой причине он и советует Лилии отправиться на итальянскую землю.

Наслаждаясь Италией лишь эстетически, герой не в силах порвать с Состоном и его ценностями. Ему нравится восхищаться Италией, ее ценностями и архитектурой, любить итальянцев в Англии, однако «три года он восхвалял итальянцев, но вовсе не рассчитывал получить итальянца в родственники» [6: 32]. Более того, он приходит в ужас от того, что Джино – сын итальянского дантиста. Вот как писатель описывает реакцию героя: «Филип издал возглас отвращения и боли.... Дантист! Дантист в Монтериано! Зубной врач в волшебной стране! Вставные зубы, веселящий глаз и кресло с откидной спинкой.... Филип и думать забыл о Лилии. Он беспокоился за себя» [6: 38].

До этого Филип романтизировал и идеализировал Италию; она для него представляла нечто экзотическое. Сформированное представление об Италии исключает существование дантиста в «волшебной стране», которую Филип создал в своем воображении: «он боялся, что романтика для него умерла» [6: 38]. Увидев другую Италию, в которой Филип находился не в качестве туриста, герой чувствует себя обманутым: «Италия, страна красоты, погибла для него навсегда. Она не в силах

была сделать лучше людей, которые там жили, или их взгляды. Более того, на ее почве произрастали жадность, жестокость, глупость и, что еще хуже, вульгарность. На ее почве, под ее влиянием, глупая женщина вышла замуж за плебея» [6: 72]. Филип возненавидел Джино за то, что тот разрушил его идеал и веру в сказочную страну.

Третья поездка Филипа в Италию в сопровождении Генриетты раскрывает его сердце. Переосмысливая национальное на фоне инационального, Филип приходит к выводу, что он действительно ненавидит не Монтериано и Италию, а Состон. С самого начала поездки ему безразлична их миссия; он осознает себя «марионеткой в чужих руках». Герой смотрит на вещи другими глазами, стараясь уловить то, что пропустил и не увидел в предыдущий раз. Он осматривается вокруг себя и обнаруживает, что «романтика вернулась в Италию, в стране не было больше плебеев, она сделалась прекрасной, любезной, обаятельной, как прежде» [6: 106]. Филип понимает, что прелесть Италии заключается непосредственно в ее людях. На все происходящее вокруг он реагирует спонтанно и непосредственно; он уже не разглядывает все глазами матери и не применяет состоновские стандарты.

Несмотря на то, что поездка Филипа в Италию трансформирует его внутренний мир – он избавляется от цинизма, косности, узости мышления – в жизни он остается лишь зрителем, подобно зрителю в оперном театре Монтериано. Филип сам в этом признается: «Мне, видимо, суждено пройти сквозь жизнь, не вступив с ней в конфликт и не оставив в мире следа.... Я не умираю, я не влюбляюсь.... Жизнь для меня спектакль» [6: 137]. Посещение театра, разговор с Каролиной после оперы он считает самыми крупными событиями в его жизни. Развитие Филипа происходит путем приобщения к истинным жизненным ценностям, олицетворением которой оказывается Италия (несмотря на то, что его погружение в инациональное пространство носит временный и эпизодический характер) и постепенной неприязни к лицемерию состоновского окружения: по возвращении в Англию Филип планирует переехать в Лондон.

В последнем романе «Поездка в Индию» Форстеру, по мнению зарубежного исследователя Ч. Малика, «лучше всего удалось... изобразить “инаковость” [кавычки автора. – Д.П.]» [9: 15]. Полагаем, что романа пронизан инаковостью внутренней.

Героиня Адела Куестед приезжает в Индию к помолвленному с ней Ронни Хэзлопу, работающим городским судьей в провинциальном городке Чандрапоре, в сопровождении матери Хэзлопа миссис Мур. Адела принимает приглашение молодого хирурга мусульманина Азиса посетить вместе с миссис Мур местную достопримечательность – Марабарские пещеры. По окончании поездки Азиса арестовывают и отправляют в тюрьму: Адела обвиняет его в изнасиловании. Однако на суде у нее происходит нервный срыв; Адела точно не уверена, напал ли на нее Азис в Марабарских пещерах, либо этот ужасный случай был просто кошмаром. Обвинение рушится, Азиса освобождают.

Что же фактически произошло с Аделой Куестед в Марабарских пещерах? Представляется, что Адела Куестед испытала в пещере то, что известный швейцарский психоаналитик и психиатр Карл Густав Юнг назвал встречей с Тенью. Осознание Тени предполагает признание реального присутствия темных аспектов личности. Встречаясь с тенью, Я переживает Другого во мне, а другой переживает меня в себе. Адела предстала перед собой в статусе «Я сам(а) как Другой (ая)».

Встретиться с самими собой как Другим, живущим собственной жизнью внутри своего Я, является трагедией для человека, живущим по законам разума, исключаям возможность существования в одном человеке нескольких Я. Отметим, что сам Э.М. Форстер не исключал возможности существования нескольких Я: «в голове у каждого человека существуют две личности: одна на поверхности, другая где-то глубже. У той,

что на поверхности, есть свое имя. Ее зовут... С. Т. Колдريدж или Вильям Шекспир.... Ей присуще сознательность... и... [она] сильно отличается от других личностей. Та личность, которая существует глубже, очень странная» [8: 83-84].

Итак, представляется, что инаковость в творчестве Э.М. Форстера существует на внешнем (дихотомия «свое-чужое», включающая в себя категории инонационального и национального («итальянские» романы «Куда боятся ступить ангелы» и «Комната с видом»)) внутреннем («Я сам как Другой» в романе «Поездка в Индию») уровнях.

Литература

1. Зыкова, Е. Форстер Э. М. / Е. Зыкова // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН; отв. ред. А. П. Саруханян. – М.: Наука, 2005. – С. 457–460.
2. Максімовіч, В. А. На стро́ме часу / В. А. Максімовіч // Сучаснае беларускае літаратуразнаўства: сістэма каштоўнасцей і прыярытэтаў / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут літаратуры імя Я. Купалы; нав. рэд. В. А. Максімовіч. – Мінск: Беларуская навука, 2006. – С. 3–5.
3. Пелипенко, А. А. Культура как система: структур. морфология культуры. Единство онто- и филогенеза. Изоморфизм мышления и ист.-культур. феноменологии / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Яз. рус. культуры, 1988. – 371 с.
4. Стулов, Ю. В. В поисках гармонии: «Другой» в творчестве Э. М. Форстера / Ю. В. Стулов // Материалы ежегодной науч. конф. препод. и аспирантов ун-та, Минск, 26-27 апреля 2001г.: в 3ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т; редкол.: Н. П. Баранова [и др.]. – Минск, 2001. – Ч.3. – С. 157–163.
5. Теличко, Т. Г. Поетика іншонаціонального в англійському романі початку XX століття: автореф. дис.... канд. філол. наук: 10.01.04 / Т. Г. Теличко; Дніпропетровськ. нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2006. – 22 с.
6. Форстер, Э. М. Куда боятся ступить ангелы / Э. М. Форстер // Избранное. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 17–162.
7. Шабловская, И. В. // Литература Англии / И. В. Шабловская // История зарубежной литературы (XX век, первая половина): учеб. пособие для студентов вузов / И.В. Шабловская. – Минск: Экономпресс, 1998. – С. 142 – 173.
8. Forster, E.M. Anonymity: An Enquiry / E.M. Forster // Two Cheers for Democracy. – New York: Harcourt, 1938. – P. 77-88.
9. Malik, Ch. Private Pleasures, Public Texts: The Representation of Male Homosexuality in E.M. Forster's Maurice, The Longest Journey, and A Passage to India: PhD Dissertation / Ch. Malik. – Saint Louis, Missouri, 1994. – 283p.
10. Stone, W. The Cave and the Mountain. A Study of E. M. Forster / W. Stone. – Stanford (Calif), Stanford Univ. Press; London, Oxford Univ. Press, 1966. – 436 p.